

Боль была почти неопишуемой, она пронизывала Гарри до самой глубины души. Он понятия не имел, где находится и находится ли вообще. Не знал он и того, кем на самом деле является. Перед глазами мелькали хаотичные образы, все по порядку, но в то же время многочисленные. Это было бы головокружительно, если бы не невероятная боль, обостряющая все его чувства.

И уже по одному этому факту он знал, что прошло не так уж много времени, когда он пришел в себя, хотя бы отчасти потому, что у него было достаточно опыта общения с болью, чтобы понять, что в короткие сроки она пробуждает каждую фибру человека, но в долгосрочной перспективе имеет тенденцию омертвлять разум ко всему.

Вздрыгнув, Гарри Поттер вынырнул из ямы этой боли и обнаружил, что испытывает новое, совершенно обескураживающее ощущение. Находиться в нескольких местах одновременно было, конечно, в новинку. Но прежде чем новизна успела развеяться, он осознал и другое: он находился в нескольких местах одновременно. С предельной концентрацией, которую он обычно использовал для того, чтобы не заснуть на уроках истории магии, если это вообще было возможно, он сумел уловить момент, с которого, по его мнению, начался весь этот беспорядок.

Он со странной отрешенностью наблюдал за тем, как в мгновение ока, которое могло длиться и несколько часов, два заклинания помчались навстречу друг другу, и все взгляды в Большом зале были прикованы именно к этому моменту. Гарри увидел краткое выражение растерянности на лице своего второго "я", этот маленький признак того, что именно это явление привело его к нынешней ситуации. Однако вместо того, чтобы остановиться, его зрение только расширилось, а вместе с ним вернулось и усилилось то головокружительное ощущение, когда он видит множество образов.

Гарри наблюдал, как на его глазах они с Джинни обрели любовь, которой отчаянно желали; он также наблюдал, как они больше никогда не встречались и расстались вскоре после войны. Если бы у него было хоть какое-то тело, о котором стоило бы говорить, а он был уверен, что это не так, он бы начал растирать виски в агонии. Со странной отрешённостью он наблюдал, как влюбился в Гермиону, после того как утешил её после очередной ссоры с Роном, причиной которой стали их совершенно разные характеры. И он видел, как умирает, одинокий, пьяный, в возрасте 22 лет, не в силах справиться с тенью войны, конца которой он не ожидал. Все это происходило параллельно, и эмоциональный груз должен был душить, даже парализовать, но все, что было, - это отстраненное чувство, как будто он был просто сторонним наблюдателем.

Наблюдая за тем, как проходит его жизнь и жизнь других людей, он многому научился, но в то же время чувствовал, что эти знания пусты. Конечно, где бы он ни оказался, если он вообще где-нибудь окажется, это может быть полезно. Он тоже шел не только вперед, и это он понял, увидев перед собой молодого Дамблдора. Однако он сделал одно важное наблюдение: он сам, то присутствие, которое определяло себя как Гарри Поттер в этом... чем бы оно ни было, не жил этими вещами. Он не воспитывал детей и не провожал любимых в могилу. Он оставался всего лишь наблюдателем, пока другие "я" проживали эти жизни.

И внезапным толчком всё это было вырвано у него; знания о том, что он узнал, остались, образы и воспоминания остались, по крайней мере, в некоторой степени, но ничего нового не поступало. По его телу прошла мощная дрожь, и Гарри Джеймс Поттер наконец по-настоящему проснулся.

<http://tl.rulate.ru/book/102491/3539993>